

Культура. - 1999. -
11-17 нояб. - С. 7

Маленькая страна Николая Игнатова

Николай Игнатов, художник с русским именем и грузинской душой, хорошо известен с 1960-х годов как мастер монументальных росписей и театрального оформления: автор фресок "Песнь о Грузии" в пансионате в Пицунде и "Посвящение Пиросмани" в Тбилиси; декораций к Мольеру, Ростану, Шекспиру, Лорке – ярким, темпераментных, красочных, пронизанных сияющим цветом, звенящих неумной жадной жизни, светлой радостью бытия. Подобно едва ли не всем грузинским художникам, Игнатов вслед за Пиросманишвили воспевал цветущую изобилием природу Грузии, ее налитые солнцем плоды; восхищался материнской щедростью родной земли, любовался красивыми добрыми людьми, их извечным трудом виноделов, пастухов, уличных музыкантов...

Представшие перед нами в залах Российской академии художеств графические работы Николая Игнатова, сделанные совсем недавно – в 1999 году, для многих явились неожиданностью. Исполненные в технике шелкографии листы, объединенные в серии "Игры с яблоками", "Клоуны", несут в себе совсем иной настрой, иное звучание, нежели монументальные вещи художника. Нежные, очень тонкие, построенные на деликатных градациях серых оттенков, иногда с легкими

вкраплениями розового, зеленоватого-желтого, синего цвета, рисунки заворачивают своей недоговоренностью, таинственной и едва осязаемой реальностью. Слово бы проступают из глубины белого пространства листа бумаги паутинные штрихи, крапинки, пятна, материализуются, очерчивая фигуры и лица, но материализуются не до конца, оставаясь призрачным видением, поэтическим сном. Можно обнаружить в этом методе влияние графики Марка Шагала – правильнее увидеть близость мировосприятия Игнатова к мировосприятию Шагала, великого сказочника и фантазера, одного из самых поэтических, подчас наивных и мудрых мастеров XX века.

Изящные античные фигурки юношей и девушек, играющих с яблоками, клоуны, похожие на шекспировских шутов, кажутся персонажами легенд, волшебных сказок: приходят к нам из таинственной страны фей, куда обычным людям путь за казан, а художнику – открыт и доступен. В этом мире вовсе не все безмятежно: в шелкографиях Игнатова, в большом диптихе "Камни единственной монументальной живописи" вещи на выставке, совсем не всегда уютно и тепло. Есть там холод векового молчания, и чем-то тоска по чему-то утраченному и ощущение незащищенности фигур

рок, населяющих этот мир, страх за них, таких хрупких и воздушных. Одно грубое прикосновение – и исчезнут, растают сотканые из тканей прекрасные пейзажи то ли реальной Италии, то ли сказочной Аркадии, убегут эльфы и феи, а клоуны повиснут на нитках, как пестрые тряпочки-марионетки, отыгравшие свой спектакль.

И невольно возникает одно преобладающее чувство: надо как-то защитить, сохранить и эту, столь далекую от современной грубой жестокости, маленькую страну, откруившуюся нашим глазам в залах академии, и ее создателя, так доверчиво распахнувшего нам двери в свои видения, свою душу...

Мария ЧЕГОДАЕВА

Грузинский художник Николай Игнатов в последние годы живет в Париже. Один из немногих мастеров фресковой росписи, теперь он занимается традиционной станковой живописью и графикой. От фрески, которую Игнатов любит больше других жанров, он вынужден был отказаться, из-за

отсутствия заказов.

Последний его актуальный опыт – работа в условиях европейского художественного рынка. Об особенностях этого опыта мы и попросили художника рассказать.

– Первым открытием для меня стал такой факт – никакого художественного рынка в Европе сейчас нет или почти нет. Сначала меня уверяли, что дело в моем советском происхождении. Считалось, что во время перестройки Запад перенасытился нашей художественной продукцией. Потом стало очевидно, что это не так. Сегодня любому художнику продать свои работы очень трудно. Дело в том, что основной покупатель – тот, кто украшает картинами свой дом. Времена коллекционеров, корпоративных и частных галерей со своими собраниями, кажется, окончательно миновали. А стены частных домов и квартир завешены так плотно, что обнаружить на них пробел для нового приобретения почти невозможно. Я не знаю в Париже ни одного дома, где не было бы хоть какой-нибудь коллекции. Может быть, только в Германии еще остались пустые места на стенах.



Из серии "Клоуны"

– А можете ли вы сформулировать какие-то эстетические предпочтения европейского рынка или того, что от него осталось?

– Вот это – второе мое открытие: таковых нет и никогда не было. Мы привыкли думать, что рынок формируют крупные музеи и коллекционеры. У них действительно были и есть определенные предпочтения, в каждую эпоху свои. Но, как я уже говорил, главный персонаж рынка – обыватель. Он, в общем, не склонен выбирать и, как правило, за редким исключением берет что дают. Это, кстати, надо бы помнить российским художникам. Они уверены, что, если делать кич, будет много покупателей. Европейский рынок, а его ведь принято называть цивилизованным, свидетельствует о другом – если предлагать настоящие вещи, они найдут спрос.

– Вы окончательно смирились с тем, что фрески больше никому не нужны?

– Я не смирился, мне очень хотелось бы продолжать работу в этом жанре. Но заказов в России, а тем более в Грузии, нет и не предвидится. Здесь так же, как с художественным рынком: надо ждать, пока оперится новая буржуазия и начнет тратить деньги на искусство.

Беседу вел
Алексей ЮРЬЕВ